

Владимир КАРНЮШИН

Родился в Смоленске в 1968 году. Кандидат филологических наук (защитил диссертацию по теме: «Проза Бориса Васильева о фронтовиках после войны (70-80-е годы)»; автор 60 публикаций по филологии, методике и педагогике, в том числе 30 научных и учебно-методических исследований, 3-х монографий и учебно-методического комплекса о творчестве писателя. Почетный работник общего образования РФ. Директор МБОУ СОШ № 17 Смоленска. Живёт в Смоленске.

МОЙ БОРИС ВАСИЛЬЕВ

«Маленькая родина большой страны». Так назвал писатель Леонид Аронович Жуховицкий дом под Солнечногорском, в котором прожили долгие годы писатель Борис Львович Васильев и его верная муза, жена и защитница Зоря Альбертовна Васильева (Поляк). Леонид Аронович произнес эти слова на панихиде по Зоре Альбертовне в январе 2013 года. В марте того же года не стало и Бориса Львовича.

Светлым и замечательным человеком была Зоря Альбертовна. *«Быть может, замечательным называют человека, который замечает окружающих?»* - спросила героиня васильевской повести «Неопалимая купина». Зоря Альбертовна всегда замечала всех, кто её окружал, делала всё, чтобы мужа ничто не отвлекало от работы. А он и не задумывался о быте, ибо знал, что рядом она, его жена, его подруга, редактор и Ангел-Хранитель.

Борис Васильев мог бы стать еще одним лауреатом Нобелевской премии по литературе от России. Мог бы, но не стал: документы вернули, так как эта премия вручается только живым. Нам в

наследство остались его книги, фотографии, бесценные автографы, его жизнь, наконец. Мы, смоляне, мало изучали его при жизни, еще меньше приглашали приехать на родину, - нам казалось, что его не следует беспокоить. А он ждал и каждый раз говорил об этом в телефонных разговорах.

«Маленькая родина большой страны». Эта метафора показалась уместной и применимой и к нам, его землякам. Он был гражданином большой страны - России, но никогда не забывал, что у него есть его «маленькая родина» - Смоленщина: Смоленск, где он родился и вырос; Высокое, под Ельней, родовое имение его предков по матери, дворян Алексеевых; Свято-Никольская церковь в Уварове, там же, под Ельней, у стен которой покоятся прабабушка и прадедушка Бориса Львовича - Алексеевы Анна Тимофеевна и Иван Гаврилович; Дорогобуж, где был расстрелян его дед, генерал царской армии Алексеев Николай Иванович.

* * *

О Борисе Васильеве писать буднично нельзя. Его нужно читать, и неважно, в каком варианте - печатном или электронном. Не просто читать и перечитывать, а думать. Его проза будоражит, встряхивает, переворачивает внутренний мир человека наизнанку. А от литературы именно это и требуется: чтобы она будила чувства. Потому что если душа не спит, то и ты сам уже не «деревянный солдатик» или винтик, которого куда надо, туда и поставят, и заставят делать всё, что угодно. Проза Бориса Васильева учит чести и достоинству. Когда мне плохо и нет никаких сил, я беру книги Бориса Васильева. А много ли сейчас семей, где читают книги, в том числе по вечерам, да еще и вслух?..

У каждого из нас - свой Борис Васильев.

Для меня - мужественный, милосердный, лиричный, безусловно, патриот, написавший знаковую книгу «Люби Россию в непогоду».

Вспоминая очередную годовщину расстрела нашего «белого дома», очень многие не могли простить Васильеву, что он поставил свою подпись под пресловутым «Письмом 42-х». Я тоже тогда не совсем это понял. Нужно было время, чтобы понять, насколько

прозорливей своих оппонентов оказался Борис Львович. Видя то, что сегодня происходит в Украине, я понял его выбор. Слава богу, не один я. Только Дмитрий Быков заступился за писателя публично: «Он подписал знаменитое «письмо 42-х», потому что знал, что это такое - новая идеология, которая гораздо страшнее советской, - смесь агрессивной ксенофобии (называемой патриотизмом), дикой нетерпимости и пресловутого государственничества (как его стали сейчас понимать). Очень хорошо видел эту опасность, и последние годы его жизни были очень неудобными».

Эти «неудобности» чувствовались особенно при нашем свидании в 2010 году. Он уже ничего не хотел комментировать, мы откровенничали с Зорей Альбертовной. Я всегда ее побаивался, был убежден, что она видит каждого насквозь и не всякому доверяет. Но я ошибся: именно меня она попросит написать отзыв о «Зорях..» и о романе «Не стреляйте в белых лебедях» в ноябре 2012 года, когда председатель Союза писателей Москвы Сергей Александрович Филатов собирал документы в Нобелевский комитет по литературе при Шведской королевской Академии.

Помню, когда был у Бориса Львовича второй раз, решил похвастаться своим «открытием» библейских деталей в его романе «В списках не значился», в частности, почему одна из героинь Мирра, а не Сара. Мне подумалось: видимо, потому, что мировым маслом натирали ноги Иисусу Христу перед распятием, чтобы Он не чувствовал боли; подумалось о неслучайной интерпретации числа «четыре» в фамилии Четвертак из «Зорь..», да и многое ещё «нафантазировалось» того, от чего вездливый исследователь приходит в восторг. Борис Львович посмотрел на меня очень строго, а потом как бы смирился, произнеся что-то вроде: «Если б я заикливался на таких вещах, то, наверное, ничего бы не написал».

Что рассказать о любимом писателе? То, что он родился в Смоленске, на Покровской горе? Так об этом все знают, но мало кто вспоминает. То, что его прародители - известные дворяне Алексеевы родом из Ельни? Так ведь это интересно, к сожалению, двум-трем краеведам. Рассказать о том, что это писатель с обостренным чувством ответственности за судьбу Родины, что у него

есть то, чего давно нет у многих, - совесть и стыд за содеянное коллективно? (Вспомним его потрясающее произведение «Красные Жемчуга»). И что испытывать такой стыд - нормальное свойство интеллигентного и порядочного человека? Может быть, рассказать о том, что у писателя гипертрофированное чувство долга и генетической памяти?

Память... Вот это действительно серьезно. Об этом стоит поговорить.

Когда в 1969 году в журнале «Юность» была опубликована повесть Бориса Львовича «А зори здесь тихие.», это стало не просто событием. Эту повесть ждали миллионы. К тому времени читатели устали от многотомных, скрупулёзно отцензурированных воспоминаний о прошедшей войне доблестных генералов и маршалов, от сухих документов, от книг, пытавшихся вбить в наши головы утверждение, что победа ковалась не в окопах и не на поле брани, а в штабах и политотделах.

Читатели 70-х помнят, какой популярностью пользовались в те годы рассказы и повести Бориса Васильева, Булата Окуджавы, Виктора Астафьева, Валентина Распутина, Юрия Бондарева, Григория Бакланова. Как их ждали, как их передавали из рук в руки, как их зачитывали до дыр. И выход каждого произведения этих авторов становился *событием*.

У Васильева - это «А зори здесь тихие», «Не стреляйте в белых лебедей», «В списках не значился», «Завтра была война». Я уже не говорю о фильме по его сценарию «Офицеры», который остается самым культовым и любимым фильмом не только среди людей в погонах.

Год или два назад мне резануло ухо: «Война уже всем надоела».

Неужели наша память так коротка?

Перечитывая сегодня военную прозу, все чаще ловлю себя на мысли: "Это не должно повториться никогда".

И снова - о памяти.

В 2009 году прошли восьмидесятипятiletние юбилеи Ю.Друниной, Г.Бакланова, Ю.Бондарева, В.Астафьева. Много ли было откликов на эти юбилеи? В лучшем случае - по одной-две передачи на канале «Культура». Как ни вспомнить: перед смертью

в Красноярске травили Виктора Астафьева, а в Белоруссии - Василия Быкова. Одного лишали пенсии, другого - возможности печататься. И стыдно не было никому, и угрызений совести, боюсь, уже не предвидится.

Еще пример равнодушного отношения к связующей всех нас памяти. Из восьми томов собраний сочинения Б. Васильева в его родном городе вышло только пять (*1994 год!*). И никому не стыдно. В ответ на откровенную, полную искреннего раскаяния статью Бориса Львовича «Мне стыдно!» в местной газете была опубликована статья одного малоизвестного градоначальника, и все говорили не о стыде писателя, а о претензиях градоначальника. Один из уважаемых писателей местного значения спорил с Васильевым на предмет того, что у Молоховских ворот была лужа, а не брусчатка (как сказано в повести «Летят мои кони»), и утверждал, что известный фильм «Офицеры» есть плагиат известного стихотворения К. Симонова...

Стыдно? Мне - да. Мучительно стыдно за свои опечатки, за свою излишнюю торопливость и самонадеянность. И не искупить мне своей вины, и больно от мук совести.

До 2005 года я старался навещать Васильевых, как только выпадала возможность; а потом, когда стал директором школы, забот прибавилось. Но и тогда старался бывать у них. Звонил, конечно, чаще. В 2010 году приезжал с сыном и дочкой, а на 85-летний юбилей Бориса Львовича мы вообще приехали всей семьей: наготовили всякой вкуснятины и отправились в путь. Борис Львович чувствовал себя неважно, с трудом поднимался на второй этаж, в свой кабинет. Кабинет писателя - это отдельная тема.

В 1998 году, когда я впервые встретился с Борисом Львовичем Васильевым, меня особенно поразил его кабинет. Не ощущение того, что я беседую с классиком литературы, а именно его кабинет! Книжки, книжки, книжки. Стопками, везде: на полках, на подоконнике, на полу... И больше всего удивило, насколько Васильев был точен, не допуская ни одной ошибки в своих исторических романах. Я как исследователь перепроверял многие детали и не нашел ни одного «промаха» - поражаюсь энциклопедическому уровню образованности этого человека. Более того, книжки, которые я нигде не мог отыскать, находил у него. Например, когда пе-

реиздавал свою монографию «Чтобы услышать голос прошлого», нигде не мог найти первый и единственный том Военной энциклопедии, который вышел в 1913 году. Там как раз перечислены все предки Бориса Львовича - Алексеевы. А у него был этот том. Второе по силе впечатление произвела на меня «Сага об Олексиных» Васильева. Вдумайтесь: 300 лет Алексеевы служили своему Отечеству! Земли в Псковской губернии были подарены первому Алексею за заслуги перед Россией еще Иваном III...

После долгого молчания и серии исторических романов Борис Васильев в 2001 году написал роман «Глухомань». Это стало событием в Москве (как стал событием и роман 1999 года «Утоли моя печали»), предметом разговора среди читателей и критиков. Роман разошелся мгновенно. Надо отметить, что книга эта о нас с вами, сегодняшних. Автор дал в этом романе художественное описание всего, что нас будоражило, убивало и удивляло, в чем мы участвовали и за что нам теперь стыдно, - всего, что мы упустили и чем сейчас гордимся. Всего, что случилось в России в те дикие и

счастливые последние десять лет ушедшего XX века; роман написан хорошим русским языком, а не постмодернистской феней, - с реальными персонажами и чётко продуманным сюжетом.

Поэт и прозаик Евгений Лесин в «Книжном обозрении» (22.10.2001) писал: *«Всё это мы прожили, хотя и не пережили еще, а потому и не вмещается перечисленное выше в жизнь маленькой Глухомани, в ткань небольшого романа...»* и добавлял: *«плотность - времен и событий - поразительная. При совершенно спокойном, не пунктирном письме и языке сюжет (история страны и героя) движется ненаучно быстро. Ускоренная перемотка времени. Даже автор не может перевести дыхание. Остановка длится ровно одно слово, история не ждет опоздавших. Пейзаж за окном не движется, а смазан в разноцветное мелькание. Ускоренный реализм, если можно так выразиться. Ведь современное классическое - прошлого века - письмо воспринимается с трудом: слишком мало времени и дыхания. Васильев не изменил своей манере, пишет, как писал и раньше, как писали Леонов и Шукшин, но на другой скорости. Эффект поразительный. Иудача несомненная».*

С Борисом Львовичем нас познакомил Александр Макаренко, замечательный человек, поэт, бард, музыкант и художник, он очень любил Бориса Львовича и Зорю Альбертовну, и они любили его. Но «влюбил» меня в Васильева ныне покойный Михаил Ефимович Стеклов, профессор Смоленского педуниверситета, благодаря его работам я увидел масштаб личности писателя. Это не были литературоведческие статьи либо исследовательские работы. Это были откровения человека, который «дышал» так же, как Васильев, который видел «грудь четвертого в строю, не свою, не соседскую, а именно четвертого» (повесть «Самый последний день»). В 2010 году Михаила Ефимовича не стало. Не стало еще одного доброго читателя книг Васильева.

В канун своего 80-летия в серии «Мой XX век» (М.: «Вагриус», 2003) Борис Львович выпустил книгу воспоминаний «Век необычайный», которая представляет собой расширенный вариант любимейшей многими смолянами повести «Летят мои кони». Но у нас в магазинах тогда ее не было! В смоленский магазин «Кругозор» поступило всего три экземпляра! Я ничего не комментирую, а

просто спрашиваю: а что, в управлении книготорговли и в смоленском магазине не знают, что Васильев - уроженец Смоленска? Как не знают и в Высоком, что под Ельней, с именем кого было связано их село?

Высокое. Вид на бывшую усадьбу Алексеевых со стороны пруда.

... Масштаб личности Бориса Львовича Васильева действительно поражает. Еще при его жизни многие понимали, что он - один из классиков отечественной литературы. А это значит, что нам еще суждено будет жить в эпоху, когда люди станут глубоко изучать наследие Бориса Васильева. Помню, как в предпоследнюю нашу встречу Зоря Альбертовна очень грустно заметила: «Надо умирать вовремя». Меня это вначале покорило, и только спустя какое-то время я понял, что она имела в виду. Уходят читатели.

На похороны Бориса Львовича я взял с собой дочь, студентку. Когда она обмолвилась однокурсникам, на чьи похороны едет, почти никто из них не вспомнил такого автора - Бориса Васильева...

Уверен, нам, смолянам, следует незамедлительно заняться увековечиванием памяти Бориса Львовича. Заняться не местечково, а всем вместе и не ради сиюминутной выгоды или (упаси бог!) прибыли. Ни в Ельне, ни в Высоком, на малой родине Бориса Васильева, нет ничего, напоминающего о великом писателе, о его славной семье! Нет даже музейного уголка в местной школе!

. Я десять лет читал в Смоленском государственном университете на разных факультетах обширный курс о творчестве Бориса Васильева, пропагандировал его замечательное творчество по мере своих сил. И я не видел ни одного равнодушного лица на своих занятиях. Многие студенты и сейчас, порой совершенно неожиданно для меня, проявляются в воспоминаниях о Борисе Львовиче. А курс сократили... Остается школа.

Конечно, радуется, что в Смоленске сейчас книги писателя не задерживаются на прилавках подолгу. У книг Бориса Львовича есть свои читатели! Были и будут всегда. И для этих читателей его книги - святой источник, к которому хочется прикоснуться еще и еще раз.

. Вспомнился эпизод из моей самой любимой повести писателя «Завтра была война». После смерти Вики Люберецкой Искра долго не ходила в школу. К ней подошла ее «железная и непреклонная» мать, непримиримый боец с мировым империализмом, и произнесла потрясающие слова: *«К горю трудно привыкнуть, я знаю. Но нужно научиться расходовать себя, чтобы хватило на всю жизнь»*. Искра спросила: *«Значит, горя будет много?»*. И мать ответила ей: *«Если останешься такой, как сейчас, - а я убеждена, что останешься, - горя будет достаточно. Есть натуры, которые впитывают горе обильнее, чем радость, а ты из их числа»*.

Ах, если бы нам хоть чуточку быть похожими на таких героев! Если бы мы все хоть немного были такими, как писатель Борис Васильев, - верными своим внутренним принципам, принимающими близко к сердцу человеческое горе.

В ноябре 2013 года я, наконец, познакомился с первым диссертантом, монографически изучившим военную прозу Бориса Львовича, - Зинаидой Ефимовной Гуральник. Она защитилась в 1990 году, в Санкт-Петербурге. По сути, я учился анализировать

прозу Васильева у нее, поскольку она и по сей день остается единственной исследовательницей, верной и тонко чувствовавшей этого великого писателя. Зоря Альбертовна всегда при наших встречах нежно называла ее «нашей Зиночкой»..

* * *

И снова - о памяти. Одно из последних интервью писателя:

«Корр.: Студенты ВГИКа сегодня к вам обращаются?

Васильев: Нет. В правнуках умирают прадеды. Я для них уже не живой.

Корр.: Вы?!

Васильев: Конечно. Это не я так решил, жизнь так решает. И я не вижу никакой обиды для себя. Нормальная смена поколений. Так и полагается...

Корр.: В повести "Летят мои кони" вы пишете, что помните о старых ссадинах и чувствуете свежие синяки, что есть у вас затянувшиеся шрамы и незаживающие язвы...

Васильев: Когда человек уже стар и подводит итоги, волей-неволей вспоминается вся жизнь. Многое случилось, и многое уже по-другому воспринимается. Когда закрыли спектакль по моей первой пьесе в Театре Советской Армии, я воспринимал это как сильнейший синяк, а сегодня это кажется несерьезной царапиной. Переосмысливаешь многое. Но больше всего меня огорчает, когда обижают. Нет, не меня лично, а других людей.

Корр.: Родных?

Васильев: Все люди родные - все мы из чрева Евы...».

На петербургском телевидении в конце 90-х вышли три замечательных передачи «В гостях у Васильева», которые вел известный всем Андрей Максимов. Мне они очень нравились: там был не просто «живой классик», там был великий человек, примерно такой, каким был Лев Толстой для конца XIX столетия. Его слушать можно было бесконечно. В некрологе на смерть Васильева Андрей Максимов назвал писателя «русским офицером литературы», который писал так, «чтобы читателю было с ним интересно. Писал увлекательно. Увлекал за собой читателя, а не нудил с ви-

дом лектора. Не проповедовал, а разговаривал. Поэтому, может быть, мы не всегда понимали, что имеем дело с настоящим философом - человеком, который любил и умел разгадывать загадки мира».

Прав Андрей Максимов: Васильев - уникальный писатель и настоящий человек.

. Было как-то спокойно, когда он жил. Надежно, совестливо, негромко. Когда он ушёл - надвинулись пустота и унылость. Чуть легче мне стало, когда я высыпал в его могилу землю. Его родную, ельнинскую, из деревни Высокое, из родового сада его деда, Ивана Ивановича Алексеева, предпоследнего дворянина. Последним был Борис Львович Васильев.

«Такие люди должны жить вечно». Они остаются не просто в памяти. Они - «некий горизонт, к которому надо стремиться».